

Сколько живет песня

Нынешний май у известного композитора Никиты Владимировича Богословского был необычным. В свое семидесятипятилетие он постоянно выступал — перед пионерами и ветеранами, воинами и рабочими. Я побывал на этих встречах.

— С чего же начать нашу беседу, Никита Владимирович?

— Наверное, с того, что родился я в Петербурге, к роляю меня усадили в трехлетнем возрасте. Коекое мое отвращение к музыке продолжалось лет до девяти. И тогда родители мне сказали, что если я буду приносить из школы «пятерки» по поведению, то они меня от этого дела освободят. По счастью, мое брэнчание услышал добрый друг нашей семьи, известный педагог и музыкант, ученик знаменитого русского композитора Лядова Семен Владимирович Панченко. Он сказал: «А давайте-ка я с этим мальчиком позанимаюсь...».

Прошло года два, и он показал меня своему другу и коллеге композитору Александру Константиновичу Глазунову, ректору консерватории.

Он проверил слух, ритм, память, все, что положено. Потом он стал мне играть отрывки из общеизвестных произведений, которые даже дилетанты знают. А я, в общем, очень мало знал. И не представляя себе, кто такой Глазунов, принес ему написанный первый акт своей оперы «Мечта мира» по Редьярду Хоггарду (популярный тогда среди мальчишек, как и Фенимор Купер, автор приключенческих романов). Глазунов пролистнул мое «сочинение» и отложил в сторону. И сел за рояль. Конечно, ни одной из сыгранных им вещей я не знал. «Ну а вот это — что такое?» — спросил он, и сыграл наизусть всю увертюру моей оперы. Я думал, это какой-то фокус. И все оглядывался: где же мои ноты? Нет, они лежали на столе. Только потом я узнал, что у Александра Константиновича было феноменальное свойство: он сразу все запоминал! Однажды Бородин сыграл ему

увертюру к опере «Князь Игорь», не записав ее. А он запомнил. И так в опере она идет и по сей день. Феноменальная и зрительная и слуховая память была у Глазунова. Я что-то подобных аналогов больше не встречал.

Так вот Глазунов разрешил мне приходить к нему по воскресеньям на Казанскую улицу, где он жил, и показывать свои сочинения при условии, что я не брошу занятий с Семеном Владимировичем Панченко... Затем я поступил в Центральный музыкальный техникум в класс композиции. Одновременно с Василием Соловьевым-Седым. Потом к нам присоединились Иван Дзержинский и целый ряд других одаренных ребят. В шестнадцать лет я написал оперетту «Как ее зовут?».

— Так что вы начали писать музыку очень рано, не будучи вундеркиндом?

— Конечно. Но тут очень важно, кто помогает тебе, кто направляет твой поиск. Дальше были разные влияния тогдашней ленинградской музыкальной школы. С широким охватом, с изучением новинок западной музыки. И я залез в совершенно невероятный формализм. Хорошо, что в том юношеском возрасте я познакомился с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. Многим я ему обязан, так же как и знаменитому критику Ивану Ивановичу Соллертинскому.

В 1936 году Исаак Осипович Дунаевский рекомендовал меня в качестве композитора фильма «Остров сокровищ» режиссеру Владимиру Вайнштоку, с которым он уже делал картину «Дети капитана Гранта». Песен я до этого никогда не писал. И все-таки я написал три песни. Одна из них до сих пор еще бытует — «Если ранили друга...» Вторая (она мне нравилась) «Вей, барабан!» — популярностью не пользовалась, а третья — это пиратская «Йо-хо-хо, и бутылка рома»... Ее полюбили пьяные...

— Кинематограф, однако, считает вас своим композитором. Действительно, ведь вы писали музыку и шестидесяти художественным и почти и па-

тисидесяти мультипликационным фильмам...

— Из премьеры фильма «Остров сокровищ» ко мне подошел режиссер Киевской киностудии Леонид Луков, который до этого поставил всего одну картину из жизни шахтеров. Он пригласил меня написать музыку к его новому фильму «Большая жизнь», шахтерскую, лирическую песню. В качестве автора текста я предложил своего приятеля Бориса Ласкина, его текст к песне «Спят курганы темные» понравился Лукову.

Там же, на Киевской студии, мне предложили написать музыку к фильму «Истребители». С поэтом Долматовским мы взялись за работу, и появилась песня «Любимый город». Мы ее продемонстрировали нашим киевским друзьям, знаменитым героям-летчикам, которые только что вернулись из Испании. — Анатолий Серову, Михаилу Якушину, Борису Смирнову. И пока они не сказали: «Вот это — наша песня», — мы ее на студию не отдавали.

— По-моему, ее исполнял Марк Бернес?

— Да...

До войны мы начали работу над «Александром Пархоменко». Но вскоре я уехал на Карельский фронт. Затем меня вновь вызвали на студию — завершать картину. Степан Каюков и Петр Алейников должны были петь песню. Я довольно быстро написал мелодию «Ты ждешь, Лизавета...».

Когда начали снимать «Два бойца», поначалу никаких песен в фильме не предполагалось. Зашел ко мне Луков: «Ты знаешь, у меня сцена в землянке без песни совершенно не получается». И он так ярко, по-актерски объяснил, какая это должна быть сцена, что произошло чудо: я сел к роялю и сыграл всю мелодию «Темной ночи» от начала и до конца. Разбудили Марка Бернеса, который отсыпался после бесконечных съемок. Ночью где-то нашли гитариста. Поехали на студию. И записали песню Потом «Темную ночь»

так и воспринимали, уже не отделяя от Бернеса.

Тут, конечно, многое зависело и от личности исполнителя. Марк Бернес, например, пел мою песню «Три года ты мне снилась» из фильма «Большая жизнь», который, как вы помните, попал под разгромное постановление: картина была запрещена, и никто ее не видел, а песня вот жила, ее все пели. Хотя в том постановлении очень строго говорилось, что эта песня проникнута кабацкой меланхолией и чужда советскому народу. Ну, в общем, это был 1948 год...

— Но я должен отметить, что, кроме песен, вами написано семнадцать оперетт, несколько симфоний, симфоническая повесть по поэме Твардовского «Василий Теркин», музыка и множеству спектаклей...

— Да, параллельно я работал в разных жанрах. Но в последние годы уже не занимаюсь песенными делами. Я не намерен изменять своему стилю, подстраиваться под ту стилистику, которая превалирует нынче. Ведь легко потонуть в огромном количестве совершенно однообразных поделок, которыми заполнен нынче весь эфир. Это совершенно не значит, что мне не нравятся современная молодежная музыка рок. В ней есть очень талантливые люди.

Единственное, чего я хочу им пожелать, уж раз они выбрали себе такую стезю, — быть высокими профессионалами. Жалко, что талантливые люди, которые занимаются такой музыкой, не хотят учиться.

Хочу пожелать молодым, чтобы они создавали такие песни, которые оставались бы в сердцах людей, хотя бы года на два-три. Ведь песни многих моих коллег-сверстников живут в народе уже не одно десятилетие. Я надеюсь, что и в нынешнем поколении музыканты такие найдутся.

— Только что вышла ваша пластинка «Музыка смеется». Это — совершенно неожиданная музыка...

— Да, я теперь занят в основном тем, что придумываю новые музыкальные жанры. Началось с того, что Камер-

ному музыкальному театру Б. Покровского я написал две музыкальные драмы по Блоку — «Балаганчик» и «Незнакомка». Эти пьесы почти никогда не ставились, считалось, что они несценичны. Эти оперы, но без пения, идут на сцене у Б. Покровского уже несколько лет. И в инструментальной музыке придумал новый жанр: классический струнный квартет, но не в трех частях, а в трех скетчах. У каждого скетча — свой сюжет, а музыканты — еще и актеры, они как бы разговаривают друг с другом. Я использовал для этого тембровые особенности инструментов. Первый скетч — это маленькая ночная беседа влюбленных по телефону. Они ссорятся. «Он» снова набирает номер телефона и попадает к Виолончели, которая очень сердито реагирует.

— Это только музыка, никакого текста нет?

— Да, звучат одни инструменты... Для меня важно и то, что за последние годы я написал пять серьезных симфоний. Недавно, например, я получил известие, что мою Четвертую симфонию исполнили в Шанхае.

Сейчас пишу для Камерного театра одноактную оперу «Приемный день у начальника».

Думаю и о другой одноактной опере — «Свадьба» по пьесе моего старого друга Михаила Зощенко.

Только что выпускники факультета музыкальной комедии ГИТИСа подготовили спектакль из моих пародийных опер: «Усы» (действие — в парикмахерской), «Самсон удалился» (о бюрократизме), «Хирург и его ночь».

— Никита Владимирович, но ведь вы не только композитор, читатели знают вас и как литератора.

— У меня вышли четыре книжки, опубликован сатирический роман «Интересное кино» в журнале «Сибирские огни».

Замечу в заключение: старость — это единственная возможность прожить долго. Хочу пожелать всем читателям найти время, чтобы сполна воспользоваться этой возможностью!..

Беседу записал Л. ВИНЧИ.